

ТИПЫ ИРОНИИ В ПРОЗЕ П. В. ВАСЮЧЕНКО

Ирония и ее функции, в пространстве художественного произведения, рассматривается как в литературоведческом, так и литературоведческо-лингвистического плане. Д. Мюкке особо отмечает ироническое видение мира, свойственное современной литературе. Ирония становится не только стилистической фигурой, но и художественным принципом писателей, желающих придать тексту выразительный оттенок и выразить скептическое, язвительное отношение автора к изображаемому.

Понятие иронии не имеет однозначного толкования в силу двойственной природы. Импликативный характер иронии, субъективная оценочность, амбивалентность языкового содержания порождают вариативность интерпретаций иронических высказываний.

Так, О. С. Ахманова дает следующее определение данному понятию: «ирония – троп, состоящий в употреблении слова в смысле обратном буквальному с целью тонкой или скрытой насмешки» [1, с. 185]. Немецкий лингвист М. П. Брандес утверждает, что, «как перенос значения по противоположности, ирония носит ярко выраженный оценочный характер» [2, с. 375]. М. К. Морен

и Н. Н. Тетеревникова полагают, что «стилистическая двойственность иронии объясняется столкновением номинативного и контекстуального значений слова, подчёркивающим их противоречивость» [4, с. 219].

Лингвисты Д. Мюкке и Н. Кнокс усматривают сущность иронии в конфликте субъективного и объективного. Английский литературовед Н. Кнокс дефинирует иронию как «конфликт двух значений, для которых специфична драматическая структура: исходное первое значение, видимость, представляется как очевидно истинное, но когда разворачивается контекст с этим значением, он постепенно открывает непредвиденный и противоположный смысл, реальность – измерение, в котором первое значение выступает как фальшь или ограниченность», т.е. контраст между реальным и видимым: порицание под видом похвалы (*blame-by-praise*) или похвалу под маской порицания (*praise-by-blame*) [8].

Мы определяем иронию как прагмалингвистический феномен, состоящий в непрямом языковом выражении продуцентом своего отношения к объекту иронии, средство реализации субъективно-оценочной модальности, а также лингвистическую и эстетическую категорию, основанную на контрасте отрицательного номинативного значения и его притворного положительно образа. Негативная модальность не является обязательной для иронии; однако если она отсутствует в плане содержания (критика под видом похвалы), то она существует в плане выражения (похвала под видом упрёка).

Систематизация типов иронии, учитывая разнообразие языковых средств реализации, функций, когнитивных структур, – не представляется возможным. Правомерно взглянуть на таксономии, представленные различными исследователями и выделенные на разных логических основаниях.

Существование вербальной и ситуативной иронии неопровержимо и глубоко отражено в работах следующих лингвистов: О. П. Ермакова, С. И. Походня, Е. В. Мартянова, D. Muecke, C. Shelley, D. Littman, J. Mey, L. Hutcheon, R. Kreuz, L. A. Juez, M. Harris, X. Zhang. Их различие основано на принципах семиотики: вербальная ирония использует ведущую знаковую систему (естественный язык), ситуативная ирония со знаковой системой не связана (рассматривается с позиций когнитивистики; субъективна и зависит от точки зрения наблюдателя).

Общеизвестная классификация присутствует в трудах Р. Кройца и Р. Робертса. Исследователи выделяют четыре разновидности иронии: сократову иронию, драматическую иронию, иронию судьбы (ситуативную), и вербальную иронию [9].

В научном труде Е. А. Печенихиной анализируются преимущественно языковая и речевая ирония. Для реализации языковой иронии требуется только минимальный контекст или же контекст не требуется вообще, ироническая окраска настолько соединяется со значением слова, что это даже отражено в словарях. Речевая ирония, наоборот, требует отсылки на контекст. Ее основным сигналом является соотнесение содержания высказывания и действительности. Кроме того, Е. А. Печенихина рассматривает индивидуально-авторскую (творческую) иронию как особый вид речевой иронии [5, с. 11].

Австралийский исследователь, Д. Мюкке стремится построить общую теорию иронии в работе «Ирония и ироническое», в которой выявляет следующие разновидности: самообман, иронию событий, двойную иронию, иронию по аналогии, ироническое осмеяние, невербальную иронию, неосознаваемую иронию, ироническую неуместность, ироническое простодушие, наивность, иронию как

риторическое понуждение, сдержанную насмешку или самоумаление, драматическую иронию или зрелище безрассудства (ослепления), космическую иронию (Т. Харди), романтическую иронию, уловку (Д. Хэллер) [11, р. 7].

Рассмотрение иронии как контекстуально обусловленного явления находит отражение в работах С. И. Походни, А. В. Сергиенко, Ж. Е. Фомичевой, Ю. В. Каменской, О. П. Ермаковой, О. Г. Петровой, исходя из которых можно также выделить две основные категории: иронию контекстуальную и текстообразующую. Под контекстуальной понимается ирония в своем стилистическом толковании, как троп, которая реализуется только языковыми средствами. Текстообразующая ирония – это содержательная, мировоззренческая категория, то есть категория сознания [3], взгляд на действительность (Т. Манн), и реализуется при помощи средств экстралингвистических средств.

Исходя из проанализированного материала мы констатируем, что исследователи совмещают лингвистические, психологические, прагматические критерии, в результате чего создание непротиворечивой таксономии с учетом всех факторов невозможно.

Проанализируем более подробно, как реализуются наиболее частотные типы иронии в белорусскоязычных произведениях П. В. Васючэнка «Жаласлівая Каралеўна» и «Дзівоснае лета паноў Кубліцкага ды Заблоцкага», в которых было выявлено 48 иронических контекстов. Пётр Васильевич Васюченко известен одновременно как драматург, создатель иронических детских стихов про животных и экологических сказок. А еще он популярен как создатель двух уморительных персонажей – панов Кублицкого и Заблоцкого.

Драматическая ирония предполагает наличие третьего участника коммуникации – наблюдателя (зрителя, читателя, интерпретатора авторского замысла), который и является настоящим адресатом иронии. Объект иронического осмеяния, являющийся непосредственным участником коммуникации, воспринимает только буквальный смысл сказанного и неспособен понять истинные намерения продуцента иронии. Цель иронии в следующем примере – высмеять образ и максимально принизить трезвость суждений служанки Дрыпы, которая не понимает, что ее ужасно постриг не француз, а стригаль (овечий парикмахер) и действительно считает себя подходящей партией для царя: *Там, на рынку, дзей як кіем набіта, няма дзе голкай тркнуць. Дзеўку Дрыпу гандляры хапаюць за рукавы, за світу: купі хусту! Купі пернікі! Купі чорта лысага!*

– *Чаго зяпу разявіла, шаношная мамзеля? – пытае панок у белым хвартуху.*

– *Выбачайце, спадарыку, – нясмела кажа дзеўка Дрыпа, – ці не вашэць летась стрыгла авечкі ў тутэйшага пана Кіндзюшкі.*

– *Не, гэта не я! – спрытна адказвае панок. Я з Парыжа, французскі цырульнік, гэта па вашаму пастрыгач. Магу й цябе пастрыгчы, станеш вочынна красівая, вужасна прыўкрасная.*

«*А што, хіба й так, раздумвае сабе Дрыпа. – Цар Максімілян абы-каго замуж не возьме*».

Выделим также классический пример *вербальной иронии*, которую М. Абрамс и Дж. Харфам рассматривают как высказывание, в котором значение, употребляемое говорящим, коренным образом отличается от значения, которое якобы выражено [6, р. 202]. Необходимо отметить, что отличие вербальной иронии от драматической заключается в том, что она создается говорящим намеренно. Например, восклицание пана Кублицкага, что Дрыпа выглядит как

королевская дочка, явно противоречит фактам и создает иронию: *Виходзіць Дрыпа з бадуна ні цавай, ні варонай, а рыхтык абскубаная авечка. Усіх вераб'ёў на рынку ўспудзіла. Але йдзе сабе вясялая, бо ў прыполе звіняць яшчэ два талеры <...> тым часам паны Кубліцкі і Заблоцкі, галодныя ды сярдзітыя мірна яе чакаюць. Адчыняюцца дзверы й уваходзіць дзеўка Дрыпа, але яе не пазнаць.*

– *Не, ты не Дрыпа, – урэшце выціскае з сябе пан Заблоцкі. – Ты якаясь іншаземная паненка, мо нават каралеўская дачка.*

Ирония судьбы (или ситуативная ирония) – особая разновидность иронии, которую Г. Колстон и Р. Гиббс охарактеризовали как «...недостаточно изученную двоюродную сестру вербальной иронии» [7, р. 3–21]. По мнению С. Shelley и J. Lucariello, ситуативная ирония не связана с определенной семиотической системой и образуется в ситуации, при которой говорящий усматривает несоответствие ожидаемого и реального положения дел – альтернативную версию событий или нарушение социальных норм [12, р. 776]. Ирония активизируется, когда в ситуации обнаруживается комбинация следующих характеристик: неожиданность, человеческая слабость, результат и противодействие [10, р. 129–145]. Следующий пример иллюстрирует иронию, которая возникает в результате столкновения ожиданий рассказчика с истинным ходом событий. Предположение пана о том, что в гипермаркетах людей разделявают на котлеты, иронично по своей сути, поскольку очевидно противоречит действительности. Автор намеренно подчеркивает наивность и неосведомленность сельских жителей в новшествах современной жизни: *Пабачым паноў ужсо на кірмашы ў Смургонях. Там шмат чаго памянялася – «няма таго, што раньш было». Вясёлы хлопец не прапаноўвае нікому загадкавыя мармышкі. Знікла буда пастрыгача, і на ягоным месцы вырасла стадола з шыльдаю «Салон моды». Стаіць яшчэ вялізная стадола з шыльдаю «Гіпермаркет», у якую патыркацца страшна, бо невядома, што там з людзьмі робяць, можа сякуць на катлеты.*

Принимая во внимание классификацию Д. Мюкке, мы можем выделить один из нетривиальных типов иронии – *неосознаваемую иронию*. Пан Кублицкий демонстрирует ироническое простодушие, когда говорит, что готов уступить единственные штаны пану Заблоцкому, если тот умрет первым, и как-нибудь проживет и без них. Авторский посыл направлен на распознавание ироничности читателем, так как художественный персонаж абсолютно наивен и не осознает насмешливости своего высказывания: *Вось гэта былі паны дык паны! Былі ў іх на дваіх адны штаны. Хто першы ўставаў, той тыя штаны й надзяваў.*

– *А што пане Заблоцкі, некалі настане час паміраць. Каго тады ў труну ў белых штанах пакладуць? Бо на двух белых штаноў не хопіць...*

– *Хто перше памрэ, хай на таго тыя белыя штаны і накладуць, – флегматычна адказвае пан Заблоцкі.*

– *Тады, пане, хай табе дастануцца гэныя белыя штаны, а я ўжсо як-небудзь і без белых штаноў па свеце пахаджу... – велікадушна кажа пан Кубліцкі.*

Мы пришли к выводу, что попытки создать неопровержимую таксономию непродуктивны. Основная проблема всех существующих классификаций, на наш взгляд, заключается в их субъективности, так как индивидуальность восприятия художественного текста является общепризнанной. Следует признать, что ирония не является ни тропом, ни фигурой и ее нельзя считать исходным компонентом. Иронический контекст может создаваться или интенсифицироваться при помощи вариативных тропов так же, как и обходиться без стилисти-

ческих фигур и основываться на общих когнитивных механизмах (умении распознавать нарушения смысловой целостности высказывания, выявлять несоответствия реальной ситуации нашему знанию о нормальном ходе событий).

ЛИТЕРАТУРА

1. Ахманова, О. С. Словарь лингвистических терминов : ок. 7 000 терминов / О. С. Ахманова. – 2-е изд., стер. – М. : Сов. энцикл., 1969. – 607 с.
2. Брандес, М. П. Стилистика текста: теоретический курс : на материале нем. яз. : учебник / М. П. Брандес. – 3-е изд., перераб. и доп. – М. : Прогресс-Традиция : Инфра-М, 2004. – 413 с.
3. Каменская, Ю. В. Интертекстуальные включения как средство актуализации текстообразующей иронии в раннем творчестве А. П. Чехова / Ю. В. Каменская // Проблемы литературного диалога : сб. науч. тр. / Сарат. гос. ун-т ; редкол.: Е. Е. Захаров (отв. ред.) [и др.]. – Саратов, 2002. – С. 90–96.
4. Морен, М. К. Стилистика современного французского языка : учебник / М. К. Морен, Н. Н. Тетеревникова. – М. : Высш. шк., 1970. – 262 с.
5. Печенихина, Е. А. Языковое выражение иронии в произведениях Ж. М. Эсы де Кейроша : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.05 / Е.А. Печенихина ; Моск. гос. ун-т. – М., 2010. – 24 с.
6. Abrams, M. H. A glossary of literary terms / M. H. Abrams, G. G. Harpham. – 10th ed. – Boston : Wadsworth Cengage Learning, 2011. – IX, 448 p.
7. Colston, H. L. A brief history of irony / H. L. Colston, R. W. Gibbs // Irony in language and thought: a cognitive science reader / ed.: H. L. Colston, R. W. Gibbs. – N. Y. ; London, 2007. – P. 3–21.
8. Knox, N. D. Irony / N. D. Knox // Dictionary of the history of ideas : in 4 vol. / ed. Ph. P. Wiener. – N. Y., 1973. – Vol. 2. – P. 626–634.
9. Kreuz, R. J. Asymmetries in the use of verbal irony / R. J. Kreuz, K. E. Link // J. of Lang. a. Social Psychology. – 2002. – Vol. 21, № 2. – P. 127–143.
10. Lucariello, J. Situational irony: a concept of events gone awry / J. Lucariello // J. of Experimental Psychology: General. – 1994. – Vol. 123, № 2. – P. 129–145.
11. Muecke, D. C. Irony and the ironic: the critical idiom / D. C. Muecke. – 2nd ed. – London : Methuen, 1982. – 110 p.
12. Shelley, C. The bicoherence theory of situational irony / C. Shelley // Cognitive Science. – 2001. – Vol. 25, № 5. – P. 775–818.